

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul
_____
Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, №3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Бочарова Е.Н. Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурен Б.	
Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
Савельева А. С. Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ерохина О.В., Захаров В.Ю. «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
Кобец О.В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
Смирнова Т.Б. Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
Уваров С.Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.....	142
Черказьянова И.В. Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
Чернышева Н.В., Ситникова Е.Л., Ажигулова А.И. Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизведения	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Габдрахманова Г.Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.....	223
Чеджемов С.Р. Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ..... 257

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, №3

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Bocharova E.N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia).....	31
<i>Savelieva A.S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V.V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu., Tishkin Al.Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study.....	66

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Erokhina O.V., Zakharov V.Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of Germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O.V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province.....	103
<i>Smirnova T.B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period.....	121
<i>Uvarov S.N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I.V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N.V., Sitnikova E.L., Azhigulova A.I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSATIONAL RELATIONS

<i>Gabdakhmanova G.F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S.R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS.....	257
-------------------------	-----

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 316.4

DOI 10.14258/nreur(2025)3-11

Г.Ф. Габдрахманова

---

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань (Россия)*

ОБРАЗ ИСЛАМА В ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Цель статьи: на примере Республики Татарстан показать насколько совпадают продвигаемые в официальном публичном дискурсе идеи, репрезентирующие ислам, и фреймы о нем, присутствующие в массовом сознании. Научная проблема исследования — сопоставление представлений властного и массового слоя российского общества — предопределила использование принципов сравнительного анализа и полипарадигмальную методологию. Она включала конструктивистский подход П. Бергеря и Т. Лукмана, феноменологический подход Э. Гуссерля и А. Шюца, теорию фреймов И. Гофмана, идеи об образе как культурном феномене и имидже религии в социологической перспективе. Эмпирической базой являются материалы социологического исследования, включающего дискурсивный анализ текстов Посланий руководителя Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2023 гг., данные опроса жителей Казани 2024 г. ($n = 501$) и результаты вторичной оценки данных анкетирований жителей Татарстана 2000-х гг. Новизна исследования заключается в авторском социологическом подходе к изучению образа ислама в представлениях разных социальных групп и в демонстрации возможностей его использования на конкретных данных.

Использование метода сопоставительного анализа позволило выявить конкретные основания образа ислама и их совпадение в официальном публичном дискурсе и общественном мнении. 1. Для жителей Татарстана и жителей Республики одинаково значима ассоциация этой религии со сферой межконфессиональных отношений. 2. Со-впадающим представлением является фрейм об исламе через этничность. 3. Расхождения между властным и массовым слоем обнаружены по теме «исламская экономика и взаимодействие со странами исламского мира». Она весьма значима для Р.Н. Минниханова, но не занимает высокие позиции в рейтинге ассоциаций об исламе в общественных представлениях. 4. На массовом уровне весьма распространенным основанием восприятия ислама является общественное служение его последователей. Этот маркер активно использует руководитель Татарстана в публичных выступлениях. Однаково значимый для населения и властного слоя образ ислама как социально ответственной религии является основанием для продвижения в России согласованной стратегии позитивного брендирования этой религии. Она может стать социальным ориентиром для верующих в нынешнем нестабильном мире через служение ближайшему окружению.

Ключевые слова: ислам, имидж, Россия, Республика Татарстан, официальный дискурс, общественное мнение

Цитирование статьи:

Габдрахманова Г.Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. №. 3. С. 194–222. DOI 10.14258/nreur(2025)3-11.

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань (Россия). **Адрес для контактов:** medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>.

G. F. Gabdrakhmanova

---

*Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan (Russia)*

THE IMAGE OF ISLAM IN OFFICIAL RHETORIC AND PUBLIC IDEAS: A COMPARATIVE ANALYSIS BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The purpose of the article is to show, using the example of the Republic of Tatarstan, the extent to which the ideas representing Islam promoted in the official public discourse and the

frames about it present in the mass consciousness coincide. The scientific problem of the study — a comparison of the ideas of the ruling and mass strata of Russian society — predetermined the use of the principles of comparative analysis and a multiparadigmatic methodology. It included the constructivist approach of P. Berger and T. Lukmann, the phenomenological approach of E. Husserl and A. Schütz, the theory of frames by I. Hoffmann, ideas about the image as a cultural phenomenon and the image of religion in a sociological perspective. The empirical base is the materials of a sociological study, including a discursive analysis of the texts of the Addresses of the Head of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2023, data from a survey of Kazan residents in 2024 (n=501) and the results of a secondary assessment of data from questionnaires of Tatarstan residents in the 2000s. The novelty of the study lies in the author's sociological approach to studying the image of Islam in the views of different social groups and in demonstrating the possibilities of its use on specific data.

The use of the comparative analysis method allowed us to identify the specific foundations of the image of Islam and their coincidence in the official public discourse and public opinion. 1. For the rais of Tatarstan and for the residents of the republic, the association of this religion with the sphere of interfaith relations is equally significant. 2. A coinciding view is the frame about Islam through ethnicity. 3. Differences between the ruling and mass layers were found on the topic of "Islamic economy and interaction with the countries of the Islamic world". It is very significant for R. N. Minnikhanov, but does not occupy high positions in the rating of associations about Islam in public views. 4. At the mass level, a very common basis for the perception of Islam is the public service of its followers. This marker is actively used by the head of the republic in public speeches. The image of Islam as a socially responsible religion, equally significant for the population and the ruling layer, is the basis for promoting a coordinated strategy of positive branding of this religion in Russia. It can become a social reference point for believers in today's unstable world through service to their immediate surroundings.

Keywords: Islam, image, Russia, Republic of Tatarstan, official discourse, public opinion.

For citation:

Gabdrakhmanova G. F. The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 194–222 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–11.

Gabdrahmanova Gulnara Faatovna, doctor of Sociology Sciences, Head of the Department of Ethnological Research, Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences, Kazan (Russia). **Contact address:** medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>

Введение

Трагические события в «Крокус сити холле» 22 марта 2024 г. спровоцировали новую волну обсуждений ислама в координатах угроз и терроризма. В многоконфессиональной и полигэтничной России подобное стереотипное представление связано с во-

просами национальной безопасности и сохранения межконфессионального и межнационального согласия. Дальнейшее развитие консолидационных процессов в РФ будет зависеть от того какие смыслы ислама будут продвигаться в публичном пространстве, как они будут восприниматься разнообразными социальными группами российского общества.

Наряду с практической значимостью исследования образа ислама в России весьма актуальным представляется его теоретическое осмысление как социокультурного явления. Как следует изучать палитру существующих в общественном сознании ассоциаций с исламом — не только негативных, но и иных по характеру? Как сегодня воспринимается и репрезентируется ислам разными слоями российского общества? В чем специфика их представлений и где зона общих идей? Ответам на эти вопросы подчинена цель статьи — на примере Республики Татарстан показать, насколько совпадают продвигаемые в официальном публичном дискурсе идеи, репрезентирующие ислам, и фреймы о нем, присутствующие в массовом сознании. Для ее достижения автором предлагается оригинальный подход к изучению образа ислама, основанный на полипарадигмальной перспективе и сопоставительном анализе представлений двух социальных слоев — властного и массового.

Статья написана с позиций социологической науки. В первом разделе, наряду с привлечением социологических теорий, осуществляется критический обзор доступных публикаций, подготовленных представителями разных отраслей обществоведческого и гуманитарного знания, прямо или опосредованно связанных с проблематикой образа религий (не только ислама) в России за последние 30 лет истории страны. Было важно понять артикулируемые учеными ассоциации с исламом, научный дискурс о нем и научно-исследовательский опыт изучения образа иных религий. Осмысление наработок гуманитарных наук, не обязательно связанных с изучением ислама и мусульманских сообществ, открывает хорошие возможности для полного и адекватного понимания того, что происходит с исламом в России [Бобровников, 2012: 380].

Во второй части статьи представлены результаты эмпирического исследования образа ислама, проведенного автором в Республике Татарстан. Выбор региона объясняется большой численностью представителей мусульманской уммы. Немаловажное значение при определении исследовательского поля имела заинтересованная политика Татарстана в отношении ислама. Речь идет не только о поддержке местным политическим истеблишментом строительства мечетей, исламского образования, но и о продвигаемых им проектах в области исламских финансов, посреднической работе между Россией и исламским миром, членстве Татарстана в международных исламских организациях. Наконец, данный кейс интересен из-за наличия в Татарстане православного сообщества, что позволило внести в исследование проблематику не только представлений об исламе его приверженцев, но и религиозного Другого об этой конфессии.

Отдельный раздел работы посвящен анализу социальных установок мусульман Республики Татарстан. Этот сюжет, построенный на анализе результатов указанного авторского социологического опроса, раскрывает новые, перспективные основания брендинга ислама в России как направления углубления интеграционных процессов в российском обществе.

Категория «образ» в обществоведческой, гуманитарной перспективе и об опыте изучения образа религий

В развитии проблематики образа в науках социогуманитарной направленности заметно преуспели исследователи территориального брейдинга. Благодаря им укрепилось понимание возникающего образа как культурного феномена с его акцентами на социокультурные последствия продвижения имиджа города [Макарова, 2019]. Представленный в многочисленных публикациях анализ процесса формирования «визитной карточки» города, участвующих в нем агентов (властных структур, медийных персон и журналистов, общественных объединений, населения), последовавшего потока инвестиций, туристов и укрепления городской идентичности открывает новые возможности для осмыслиения конструируемого разнообразными акторами образа религии и связности их деятельности с развитием общества и религиозной сферы. Имидж религии в таком понимании становится самостоятельным объектом изучения, рассматриваемым в контексте дизайна разнообразных политик, потока медиаинформации, социокультурной, религиозной идентичностей, религиозных практик, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

Сосредоточение на агентах, задающих повестку когнитивной структуры образа религии, стимулирует обращение к конструктивистской парадигме П. Бергера и Т. Лукмана. Теоретики обращают внимание на то, что социальность конструируется, а «социология знания должна изучать все то, что считается в обществе «знанием», невзирая на обоснованность или необоснованность такого «знания»» [Бергер, Лукман, 1995: 9, 13]. Эта возможная, но не полная целостность «знания» [Социологический словарь..., 2000: 207], построенная на реальных или мнимых основаниях [Козырев, 2008: 32, 36], выступает характеристиками объекта или класса объектов. П. Бергер и Т. Лукман, трактуя «знание» не в смысле осведомлённости, обращают внимание на мышление, связанное с определенным историческим контекстом [Бергер, Лукман, 1995: 15]. Поэтому образ можно рассматривать как результат коллективного истолкования социальной жизни; не как объективную реальность, а как социальный конструкт [Тупаева, 2013: 11], сложившийся в определенных условиях.

При коллективном «проговаривании» мира «образ» выступает смысловой и символической категорией, которая передает латентное, вполне «читабельное» для определенного круга «сведущих» реципиентов содержание [Склярук]. Вопрос о том, кого можно считать «осведомленным» субъектом, становится ключевым для построения архитектуры исследований образа религий. Наиболее изученными в этом плане являются медиа.

Выделяются три влиятельных подхода к изучению института религии и медиа — теории медиатизации религии, медиации религии, религиозно-социального формирования [Гришаева, Шумкова, 2020]. С. Хьярвард подчеркивает, что, несмотря на приверженность современных исследователей разным теоретическим подходам, все они едины во мнении о том, что медиатизация религии меняет презентации религии в обществе позднего модерна, а медиа формируют публичный облик религии, фреймируют ее [Хьярвард, 2020]. Практики производства и потребления смыслов религии становятся предметом специального научного изучения. Тема деконструкции образов —

то, кто и как развенчивает мифы о социальных явлениях и проблемах в медиапространстве [Ясавеев, 2004], остается открытой в отношении религиозной сферы.

В постсоветской России изучение проблематики производства смысловой рамки религии в медиапространстве начинается с печатных СМИ. П. А. Баёв, основываясь на результатах контент-анализа одной из популярных в советское и перестроенное время газеты «Аргументы и факты», выявил, что в период с 1984 по 2008 г. российская религия как социальный институт приобрела ассоциированность с символами (распятием, полумесяцем), культовыми зданиями, формальными кодексами поведения (принципами праведной жизни, понятием греха) и идеологией (основополагающими идеями) [Баёв, 2011: 124]. Позже акцентировался факт принадлежности СМИ. В оппозиционных (либеральных) медиа образ РПЦ основывался на негативных коннотациях — архаичности, отсталости от современных реалий, на ее позиционирования как политической организации, порочно связанной с государственной властью. Государственные (консервативные) медиа замалчивают внутренние проблемы РПЦ и прибегают к позитивным интонациям с помощью доминирующего «одобряющего» или «нейтрального» тона о православии и православных [Вяткина, 2012], маркируют образ этой религии как традиционного социального института, носителя исконно русских традиций, духовно-нравственных идеалов, сплачивающего православных христиан [Зимова, Фомин, 2021: 89]. Консервативный и прогрессивный дискурсы влияют на позиционирование православного духовенства [Морозов, 2016: 187]. Православные каналы, православные группы в социальных сетях и православные блогеры по силе общественного влияния заметно уступают светским медиа и светским блогерам [Зимова, Фомин, 2021].

Иные интенции в российском медиа пространстве прослеживаются в отношении ислама. 1990-е гг. — время кристаллизации журналистским корпусом негативного облика российского ислама, возникшего в ответ на подъем национализма и открытые вооруженные конфликты на Северном Кавказе. Ислам в СМИ подается как социальная проблема, а основанием фрейма, к которому прибегают журналисты, становится лектический союз «ваххабиты — тоталитарные — попирают (основы Ислама)». К формированию таких представлений подключаются темы о террористических организациях, внешних угрозах и традиционном исламе, в качестве защитника которого стали подаваться лояльные к властям мусульманские организации [Рогозина, 2018: 298].

В последние годы в поле медиа из-за активизации миграции исчезает традиционная ассоциированность ислама в России исключительно с регионами исторического компактного проживания мусульман — Поволжьем, Сибирью и Северным Кавказом [Мухетдинов, 2008]. Журналисты начинают связывать ислам с трудовой миграцией из государств Центральной Азии, прежде всего из Киргизстана, Таджикистана, Узбекистана. Они подчеркивают засилье приезжих в мечетях, монополию кыргызских, таджикских, узбекских сообществ на исламские приходы в российских городах. СМИ формируют новый облик ислама, когда маркирование трудовых мигрантов из Средней Азии происходит не по этнической идентичности, а по факту принадлежности к исламу. Такая его презентация как транснационального явления кристаллизует новый смысл публичного образа.

Наряду с журналистами, другими «сведущими» агентами, создающими образ религии, выступают участники публичного политического дискурса. Пионером его изучения можно считать А. В. Малашенко, проделавшего большую работу по изучению идей об исламе, инициированных партиями и профессиональными политика-ми на этапе религиозного возрождения в постсоветское время [Малашенко, 1998]. С. Малахов и Д. Лятников выделили высшую бюрократию, системных и внесистемных политиков, лидеров общественного мнения (экспертов, журналистов, творческих работников, ученых) и мусульманских спикеров (официальные мусульманские организации и их лидеры, низовые общественные активисты) [Малахов, Летняков, 2018]. Фокусированным исследованием смысловых коннотаций публичного политического дискурса об исламе можно считать работу Д. Гараева. Он, обращаясь к текстам «известных российских идеологов джихада 1990–2000-х гг., в которых они различным образом обосновывали, осмысливали джихад и призывали к нему», расписывает «термины и символы, которые они используют, авторитеты и идеи, на которые они ссылаются, темы, которые их волнуют» [Гараев, 2017: 172]. Собственно исламского в текстах оказывается немного, преобладающим является дискурс, имеющий советские и постсоветские корни. Все это вписывается в идеиные / интеллектуальные тренды постсоветской России [Гараев, 2017: 198]. К похожему выводу пришел В. Д. Коваленко, изучивший образ современного православного фундаментализма. Он, по оценке исследователя, в большей мере является общественно-ориентированным (постулирование политico-социальных идей или критика существующих процессов и авторитетов), нежели религиозным [Коваленко, 2021]. Это значит, что в публичном политическом дискурсе религиозное всегда сочетается с иными интенциями. В России он в части негативных коннотаций по отношению к исламу и мусульманам, в отличие от западного политического рынка, не отличается разнообразием и не имеет перспектив в силу специфики формирования российской цивилизации, укорененности в ней ислама [Малахов, Летняков, 2018].

Отдельным направлением изучения публичного политического дискурса об исламе является «говорение» о нем православия и лидеров мнения из числа представителей духовенства об исламско-православных взаимоотношениях. Анализ дискурса российских мусульманских и православных спикеров о смысловой рамке ислама фиксирует идеиный поворот, произошедший на протяжении последних полутора веков: если рубеж XIX–XX вв. характеризуется презентацией ислама православными миссионерами как ложного, враждебного православию учения [Маркова, Шавалиева, 2019], их конструированием образа «истинного» ислама путем внесения в исламское учение христианских смыслов [Марданова, 2020: 351], то позже исламско-православный диалог стал пониматься не как обмен культурной информацией, а как сознательная ориентация на взаимопонимание, на признание права Другого быть Иным [Журавский, 2014: 5–6]. Нынешнее российское культурно-символическое пространство фактически поделено на «православную» и «мусульманскую» зоны влияния, и между хозяевами дискурса заключен негласный пакт о невмешательстве в дела друг друга. Он не исключает публичных выступлений православных и мусульманских священнослужителей друг о друге и продвигаемые ими в публичном пространстве презентации религий.

Поскольку формирование образа может представлять собой не только целенаправленный процесс, но и естественный, и даже одновременно включать и то, и другое [Козырев, 2008: 32, 36], мы наряду с масс-медиа и участниками публичного политического дискурса к носителям и производителям образа религии относим население, которое обладает представлением о самых разных объектах и явлениях. Инструментальные возможности для изучения образа религии на массовом уровне открывает феноменологический подход Э. Гуссерля и А. Шюца. Теоретиков не волновали причинно-следственные связи социальных явлений, их занимали смыслы действия, т. е. представления, потребности и интересы людей. Определения ситуаций, основанных на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события, И. Гофман называет фреймами [Батыгин, 2001: 19]. С помощью них религия распознается и оценивается на повседневном уровне. М. Н. Красильникова выделяет типы фреймов, связанных с религией: собственно религиозный (корпоративный), не выходящий за рамки конкретной конфессии, но возможно распознаваемый другими, межрелигиозный, цивилизационный и этнокультурный [Красильникова, 2021: 75–76]. Они могут переплетаться друг с другом во время повседневных взаимодействий людей.

В изучение фреймов образа религий России большой вклад внесли социологи. Ими выявлено, что в начале 1990-х гг. религия ассоциировалась населением с ориентациями на нравственное воспитание, моральную поддержку, со спасением от несчастья и болезней, т. е. больше с индивидуальной жизнью человека, чем с социальной ролью, национальными традициями и культурами [Мчедлов, Гаврилов, Кофанова, Шевченко, 2005: 68]. Позже исследователи зафиксировали приверженность россиян не только к собственно религиозным основаниям, но и к определенной культурно-цивилизационной традиции, сформировавшейся в том числе под воздействием конкретного религиозного течения [Мчедлова, 2018: 225]. Православие стало восприниматься как неотъемлемый элемент великой России, как ресурс, помогающий преодолеть жизненные трудности, но не связанный с какой-либо собственной ответственностью верующих и их личной активностью [Образ православного верующего...].

Ислам оценивается населением как важный регулятор межличностных отношений, взаимоотношений в семье и нравственности, хотя называющие себя мусульманами отрицают «...всеобщий характер религиозной нравственности, исключительное право религии на формирование нравственной личности» [Абдулагатов, 2009: 136]. В работах подчеркивается восприятие респондентами ислама как части их этнической идентичности [Татары и ислам..., 2014]. Е. Б. Алиева на примере православия акцентирует внимание на важности выделения в культурно-цивилизационном фрейме о православии вымышленных представлений людей (например, порабощение человека, замыкание его в обскурантизме, презрительное отношение к его интеллектуальным способностям, человеконенавистничество), реального опыта контактов (в числе называемых информантами негативных практик верующих — открытое нарушение заповедей, воровство, недобросовестный труд, злоупотребление алкоголем священнослужителями) и собственно цивилизационной составляющей (выражается в более позитивном восприятии российским обществом православия, чем христианства, ассоциируемого с западной или средневековой традицией) [Алиева, 2012: 150–151, 143].

Новым этапом исследований когнитивной структуры образа ислама можно считать рубеж XX–XXI вв. В это время исследователи начинают призывать к изучению внутренних процессов в мусульманском сообществе [Бобровников, 2018], к отказу от имперского знания и сценариев власти, в которые вписываются либо не вписываются ислам и мусульмане, к переключению на субъектность мусульманских общин, их интерпретации событий и оценках окружающего немусульманского общества [Бустанов, Дородных, 2017: 114].

Отдельное внимание обращается на общественную роль ислама в российском обществе, когда все большее число мусульман проявляет религиозный активизм, ориентированный на публичное поле [Патеев, 2021: 15] и в самых разных формах самоорганизации [Патеев, 2020], на новые интерпретации смыслов самореализации, «абсолютизацию религиозных оснований как стержнеобразующих в частной, политической, гражданской, правовой, социально-экономической и иных сферах» на фоне сохраняющихся алармистских построений, связывающих архаику и клерикализацию [Гузельбаева, Мчедлова, 2020: 265, 250].

Квинтэссенцией исследований образа ислама можно считать одноименную международную конференцию, которая прошла 6–8 октября 2016 г. в Швеции, в городе Упсала. Доклады ее участников, к сожалению, не опубликованы, но сделанный Д. И. Булгару и С. А. Рагозиной их краткий обзор позволяет сделать заключение о том, что современные ученые начинают прибегать к разнообразным источникам для изучения смысловых оснований имиджа ислама (визуальным; образам отдельных, весомых в религиозном поле персон; практикам перевода исламских понятий и употребления светских категорий, маркирующих ислам), выделять из дискурсивного потока акцент представителей «официального ислама» на внутреннюю и внешнюю аудиторию и наблюданное влияние на него РПЦ, указывать на сохранение ассоциаций с исламом, связанных с поведенческими особенностями его приверженцев и их склонности к терроризму. Все это, по мнению участников конференции, формирует публичный дискурс, задающий представления о российском исламе [Булгару, Рагозина, 2017].

В нашем исследовании образ ислама ограничен изучением смыслоемких, символических представлений о нем в официальном публичном дискурсе и массовом сознании. Сопоставление публичного, конструируемого и повседневного, смыслообразующего действия людей образов ислама предпринимается впервые и намечает перспективы исследования религии как социокультурного феномена с позиции ее имиджа, формируемого разнообразными акторами.

Источники и методы исследования

В качестве источника для анализа официального публичного дискурса об исламе взяты тексты посланий Раиса Республики Татарстан Р. Н. Минниханова Государственному Совету РТ. Послания являются ежегодными и озвучиваются в конце текущего года. Они представляют собой важный документ, в котором первое лицо Татарстана обозначает важные с его точки зрения итоги ушедшего года, связанные с политической ситуацией, экономикой и социальной сферой республики, озвучивает проблемы, требующие решения, намечает векторы развития региона в наступающем году. Он является квинтэссенцией разнообразных идейных смыслов региональной политики. Нами

проанализированы тексты посланий 2013–2023 гг. Они подверглись нечастному анализу, направленному на «выявление порождающей модели содержания текста» [Таршиш 2002: 74], и латентному кодированию — скрытому семантическому анализу, ориентированному на поиск имплицитных значений [Семенова, Корсунская 2010: 68]. Латентным кодированием фиксировались приемы, к которым прибегает руководитель Татарстана говоря об исламе, артикулируемые им признаки этой религии.

Другим источником стали результаты опроса жителей Казани ($n = 501$). Выбор столицы Татарстана в качестве исследовательского поля объясняется тем, что протекающие в ней социокультурные, религиозные процессы носят значимый, нередко публичный характер, влияющий на принятие политico-управленческих решений на региональном и общероссийском уровнях. Учитывалась высокая доля в Казани представителей татарской общности (48,8% среди указавших национальность во время Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.), по большей части исповедующих ислам и являющихся носителями глубоких исламских традиций, исламской культуры. Значимая в Казани доля русских (46,9%) — приверженцев православия, позволила изучить фреймы образа ислама у религиозного Другого. Анкетирование проводилось методом онлайн-панели и частично в режиме непосредственного интервьюирования (с лицами в возрасте 61+). Использовалась квотная выборка, репрезентирующая жителей столицы Татарстана по полу, возрасту и национальности. В анкете, наряду с авторскими, использовались вопросы, разработанные Институтом социологии РАН (включая Центр исследования межнациональных отношений). В исследование включены результаты вторичного анализа социологических опросов жителей Татарстана, проведенных в 2000-х гг.

Образ ислама в публичных выступлениях президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова

Исламская тематика присутствует во всех выступлениях Р. Н. Минниханова перед местным парламентом. Это показывает ее значимость для первого лица республики. При этом, говоря об исламе, он в обязательном порядке упоминает православие. Для подчеркивания паритетности двух доминирующих в Татарстане конфессий руководитель республики одновременно называет Духовное управление мусульман Республики Татарстан и Татарстанскую митрополию Русской православной церкви (2013) и прибегает к событийной стратегии, называя значимые для мусульманского и православного сообщества республики мероприятия. В числе таких событий — «Изге Болгар жыны», фестивали «Алексеевские перезвоны» и «Музыка веры» (2015), строительство Болгарской исламской академии, воссоздание собора Казанской иконы Божией Матери, визит святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Всероссийский форум татарских религиозных деятелей (2016), включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск, строительство комплекса зданий Болгарской исламской академии (2017), форумы мусульманских религиозных деятелей и православной общественности, 200-летие со дня рождения Шигабутдина Марджани (2018), 440-летие обретения Казанской иконы Божией Матери, подготовка к празднованию 1100-летия со дня принятия Ислама Волжской Булгарией (2019), освящение патриархом Московским и всея Руси Кириллом собора

Казанской иконы Божией матери, начало строительства комплекса Соборной мечети в Казани (2021), подготовка к празднованию 300-летия Казанской духовной семинарии, приданье федерального уровня юбилейной дате принятия ислама Волжской Булгарией (2022), «мероприятия в рамках работы Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» в формате межрелигиозного диалога с участием патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Форум православной общественности Татарстана, говядщина освящения собора Казанской иконы Божией Матери с участием 20 архиереев Русской православной церкви (2023). Таким образом, непременным спутником продвигаемого в публичных речах образа ислама в Татарстане для Р. Н. Минниханова является православие.

Одновременное обращение Раиса Республики Татарстан к исламу и православию связано с вопросами обеспечения позитивного межконфессионального взаимодействия на подчиненной ему территории. Ее важность Р. Н. Минниханов подчеркивает путем использования в каждом послании слов «межконфессиональный мир», «межконфессиональное согласие», «межрелигиозный диалог». В 2013–2021 гг. религиозная тематика озвучивается Р. Н. Миннихановым во второй части публичных выступлений перед местным парламентом, тогда речи 2022 и 2023 гг. начинаются с нее, а рассуждения строятся в контексте актуализировавшихся вопросов сохранения межконфессионального согласия. Он признается в том, что «...наша выстроенная работа в этноконфессиональной сфере подвергается серьезному экзамену» (2022). Другой особенностью подачи темы «межконфессиональные отношения» в динамичном аспекте являются изменения в лексике о препятствиях позитивным межэтническим отношениям. В текстах обнаружены лишь три категории, касающиеся этого вопроса: 2015 г. — «радикализм» и «экстремизм», 2017 г. — «нетерпимость». Ни одна из них руководителем Татарстана не увязывается с исламом, что свидетельствует о взвешенном характере официального публичного дискурса, стремлении к купированию проблемы в республике.

Во всех речах Раиса Татарстана звучат уверения о наличии в республике «атмосферы дружбы и взаимопонимания» (2021), равенства и уважительных отношений между основными конфессиями Татарстана (2016). Все это, по мнению первого лица региона, является неотъемлемой частью имиджа и конкурентного преимущества республики (2014), базиса стабильности (2020), показателем состояния страны и республики, выражаящемся в социальном единстве людей различных вероисповеданий (2018).

Задача культивирования межрелигиозного согласия (2018), обеспечения межконфессионального мира и согласия в Татарстане объявляется Р. Н. Миннихановым приоритетной (2019), непреходящей задачей всех органов государственной и муниципальной власти (2017). Государственно-конфессиональное взаимодействие, презентируемое как соучастие органов государственной власти и управления и конфессиональных сообществ в поддержании межконфессиональных отношений, является для Р. Н. Минниханова еще одним смыслом, ассоциируемым с исламом (так же, как и с православием), и он использует его как часть имиджа Татарстана, продвигаемого на международном уровне. Неслучайно он заверяет, что «...межконфессиональный мир и согласие — все эти ценности всегда были и останутся нашей главной гордостью» (2022).

Важной, просматриваемой в текстах Посланий интенцией, связанной с образом ислама, выступает идея о сопряженности религиозного и этнического. Она выражается в одновременном использовании Р. Н. Миннихановым прилагательных «межконфессиональные» и «межнациональные», словосочетания «этноконфессиональная сфера» (2017), «этноконфессиональная политика» (2021). Говоря об исламе, руководитель республики практически в каждой речи увязывает его с татарским народом. Так, рассуждая о значении начала строительства Соборной мечети в Казани, Раис Татарстана оценивает это как весомый вклад «...в дело сохранения духовного, культурного наследия и самобытности татарского народа» (2021). Упоминая 1100-летие со дня принятия ислама Волжской Булгарией, Р. Н. Минниханов подчеркивает роль этого события в развитии татар (2019). По его мнению, Булгарская исламская академия «призвана стать ... опорой сохранения традиций татарской богословской школы и единения татаро-мусульманского сообщества России» (2016), поэтому следует оказывать поддержку муфтияту по популяризации татарского богословского наследия (2013). Все это показывает неразделимость ислама и татарского народа для руководителя Татарстана, этничность выступает для него отдельной, значимой ассоциацией с исламом.

Другой темой об исламе, просматриваемой в посланиях, выступает духовность. В 2013 г. Р. Н. Минниханов говорит о ней в контексте необходимости возрождения, в 2017 г. рассуждает о духовно-нравственном совершенствовании общества, в 2019 г. оценивает факт воссоздания древнего Булгара и острова-града Свияжск как стимула для обретения духовной жизни, в 2021 г. объявляет главные человеческие ценности в качестве основы традиций народов страны, сохраняемых в том числе религиозными организациями, в 2023 г. подчеркивает нацеленность на отстаивание традиционных духовных ценностей. Особую роль в распространении духовно-нравственных ценностей глава Татарстана возлагает на религиозные объединения, которые, по его мнению, должны уделить особое внимание «...укреплению института семьи и брака, где опора на традиционные духовные ценности имеет основополагающее значение» (2018), «транслировать приоритетность семейных ценностей: любви, уважения, взаимопонимания, ответственного родительства и многодетности» (2019). Связанной с идеей о духовности как смысла ислама выступают важные для руководителя Татарстана вопросы религиозного образования и просвещения. Он считает, что «татарстанцы и, прежде всего, дети должны иметь представление о всех традиционных религиях», и выражает заинтересованность «в дальнейшем совершенствовании отечественного религиозного образования» (2015). Особо он выделяет Академию наук Республики Татарстан, которая, «...адынгы үзәккә эйләнеп, традицион исламны нығытуга зур өлеш кертергә тиеш» («... став ведущим научным и духовным центром, должна внести большой вклад в укрепление традиционного ислама». — перевод наш). Так, руководитель региона подтверждает важность для него спайки региональных государственных органов (с подчиняемыми им структурами) и религиозных (мусульманских) организаций в продвижении социальных интересов Татарстана.

Анализ текстов посланий выявил постепенное разворачивание официального публичного дискурса Р. Н. Минниханова в сторону социальных функций ислама. Так, в вы-

ступлении 2013 г. он лишь в обобщенной форме поднимает вопрос о значении государственно-конфессиональных отношений для решения социальных, образовательных и культурно-просветительных задач региона и страны. В Послании 2018 г. утверждает, что «религиозная идентичность оказывает серьезное влияние на общественное сознание», в речи 2020 г. подчеркивает организацию религиозными объединениями вос требованной обществом социальной работы (2020). Послания 2021–2023 гг. становятся более семантически разнообразными, в них конкретизируются функции религии. В 2022 г. ислам завуалировано увязывается с молодежной политикой, так как признание Казани как Молодежной столицы Организации Исламского сотрудничества открыло «...новые возможности для привлечения молодежи к международному диалогу», 2023 г. — с наукой, культурой, образованием и спортом. В этом просматривается уточнение высказанной Р. Н. Миннихановым в 2021 г. задачи по развитию сотрудничества «...в самых разных сферах со странами исламского мира». В 2023 г. он впервые использует словосочетание «халяльный образ жизни», условия по созданию которого вменяются в обязанность местных органов власти.

Весьма динамично разворачивается в посланиях идея о значении ислама для политики, социально-экономического развития Татарстана и России. В 2015 г. Р. Н. Минниханов впервые упоминает Группу стратегического видения «Россия — Исламский мир», возобновление деятельности которой, по его мнению, открывает «широкие возможности для сотрудничества». В последующих выступлениях он упоминает эту организацию в контексте задач, поставленных Президентом РФ В. В. Путиным по сближению России с исламскими государствами (2017), развития связей с мусульманскими государствами и организациями (2018), проводимой работы с мусульманскими странами и развития экспорта (2019), обретения контактов (2020). Самой насыщенной выглядит речь 2022 г., в которой Р. Н. Минниханов обращает внимание на Организацию Исламского сотрудничества. Татарстан «уделяет особое внимание развитию многосторонних связей» с входящими в нее странами. Оратор вновь использует событийную стратегию, упоминая визиты Генерального секретаря Организации Исламского сотрудничества, министров Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Туниса (2018), получение в 2022 г. Казанью статуса Молодежной столицы Организации Исламского сотрудничества.

Отдельное звучание приобретает тема исламского банкинга. Руководитель Татарстана признается в ограниченности финансовых ресурсов, поэтому «развитие института исламских финансов» рассматривается им как важное направление, расширяющие возможности экономики, поэтому «нужно максимально ими воспользоваться» (2022). В 2023 г. Р. Н. Минниханов ставит задачу «привлечения зарубежных инвестиций из исламских стран» в рамках принятого федерального закона по партнерским финансам, качественному проведению «эксперимента по созданию благоприятных правовых условий для внедрения партнерских финансов», организации подготовки специалистов по исламскому банкингу, «повышению уровня информированности населения и бизнеса». Основную роль в решении последнего вопроса он отводит Духовному управлению мусульман Республики Татарстан. Всю проводимую в регионе работу

по использованию ресурсного потенциала ислама Р.Н. Минниханов оценивает с точки зрения стратегических задач России. Он уверен, что проводимые в Казани мероприятия являются свидетельством «возросшего интереса мусульманского мира к развитию взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией», «обеспечению экономических интересов России в рамках равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества» (2022). Ислам для Р.Н. Минниханова — это экономический ресурс и уникальная возможность республики, способной принести ощутимые дивиденды региону и России в целом.

Содержательный анализ текстов посланий раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова позволил выявить содержание и динамику продвигаемых им идея об исламе. В числе значимых для руководителя региона ассоциаций с этой религией — этническая (татарская) идентичность, социальное служение с точки зрения партнерского (государственно-религиозного) участия мусульманского сообщества в решении социально значимых для региона и страны задач, экономический потенциал мусульманских стран, инструменты исламской финансовой системы. Руководитель поли-конфессионального региона включает в «говорение» об исламе категорию «православие», подчеркивая тем самым уникальность подчиненной ему территории и используя категорию «межконфессиональное согласие» в продвижении имиджа Татарстана как территории с благоприятной социальной ситуацией. Дискурс не содержит значимых интенций о радикализме и экстремизме, они исчезают из коммуникативных сообщений об исламе. Нынешняя, значимая для Р.Н. Минниханова повестка образа ислама — это его презентация как стратегического ресурса Татарстана, способного участвовать в продвижении геополитических и экономических интересов России в странах мусульманского мира.

Образ ислама в общественном сознании

Охарактеризуем участников проведенного нами социологического опроса, связанного с религиозной сферой. 30,1% респондентов называли себя верующими, людьми, которые стараются соблюдать обычай и обряды, 49,3% — верующими, но не соблюдающими обычай и обрядов, 8,6% — колеблющимися, 10% — неверующими, атеистами, 2% затруднились с определением своего отношения к религии. По конфессиональной принадлежности распределение ответов выглядит следующим образом: 49,2% участников исследования считают себя мусульманами, 48,2% — православными, по 0,5% — протестантами и иудеями, 1,6% отнесли себя к другим религиям. Сравнение наших данных с результатами опроса, проведенного Р.Н. Мусиной в 2011–2012 гг. (рис. 1), позволяет сделать заключение о существенном увеличении «внешних» проявлений религиозной идентичности у татар-мусульман Татарстана: за прошедшее десятилетие среди них почти в два раза увеличилось число тех, кто время от времени посещает мечеть, держит уразу (полностью или частично), на 20% — иногда читает молитвы, а также отмечает рост «внутренней» религиозности (на 18,3%), связанный с желанием жить по предписаниям ислама.

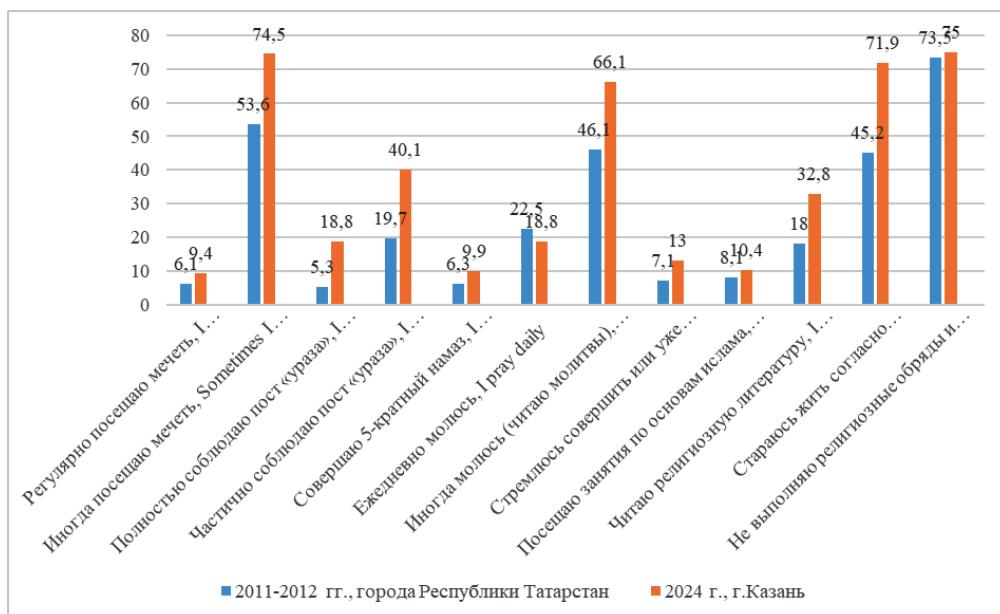

Рис. 1. Динамика проявлений веры у городских мусульман Республики Татарстан, %.

Данные за 2011–2012 гг. [Мусина, 2014: 56]

Fig. 1. Dynamics of manifestations of faith among urban Muslims of the Republic of Tatarstan, %.

Data for 2011–2012 [Musina, 2014: 56]

Дальнейший анализ осуществляется на двух группах респондентов — тех, кто считает себя мусульманином/мусульманкой ($n = 192$) или православным/православной ($n = 188$).

Опрос выявил большой разброс общественных представлений об исламе (рис. 2). Преобладающим как у мусульман, так и православных является ассоциация этой религии с культовыми зданиями и обрядовой, праздничной культурой. На втором месте оказалась связь ислама с татарами и другими российскими народами, исповедующими эту религию. Почти каждый третий участник исследования, независимо от конфессиональной идентичности, трактует ислам в аспекте ближайшего круга — близких и друзей, считающих себя мусульманами. Для респондентов-мусульман более важными оказались смыслы жизни, которые дает им ислам, его восприятие как опоры в трудных жизненных обстоятельствах. Православные чаще ассоциируют эту религию с мигрантами и родным городом, т. е. ислам воспринимается ими как неотъемлемая часть городского ландшафта.

Продвигаемую Республикой Татарстан политику по сближению России со странами исламского мира замечают 10,4% мусульман и 15,1% православных, а исламская экономика известна не более 7% респондентов.

Это позволяет сделать заключение о том, что компоненты образа ислама, которые звучат в речи Республики Татарстан во время публичных выступлений, присутствуют и у небольшой (но представительной!) части жителей Казани. Однако более

значимыми для них оказываются ассоциации, связанные с повседневностью — близкими людьми, местом проживания и народом, представители которого придерживаются мусульманской обрядовой и праздничной культуры. Носители негативных коннотаций об исламе (терроризм, агрессия, архаика, отсталость, необразованность, дискриминация женщин) — это очень узкий слой населения (не более 6%).

Высокая степень увязывания ислама с ближайшим окружением подтвердилаась и другим вопросом анкеты о том, откуда респонденты узнают об этой религии (рис. 3). В этом качестве и мусульмане, и православные назвали родных, друзей, знакомых. Ответы показывают, что значимым агентом формирования и тиражирования фреймов о религиях сегодня выступает интернет, причем в отношении православия он конкурирует с телевидением, но по силе влияния на образ ислама является более значимым, чем традиционные СМИ.

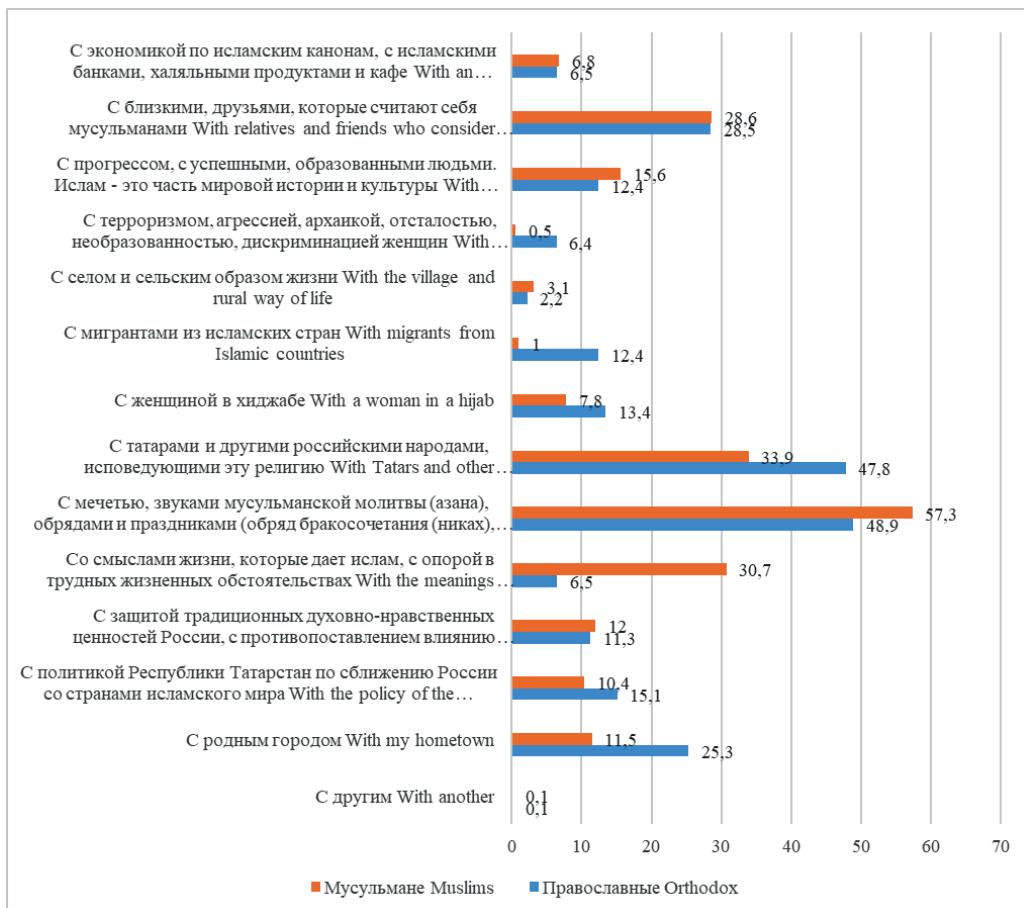

Рис. 2. Ассоциации с исламом у мусульман и православных, % (Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 2. Associations with Islam among Muslims and Orthodox Christians, % (The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

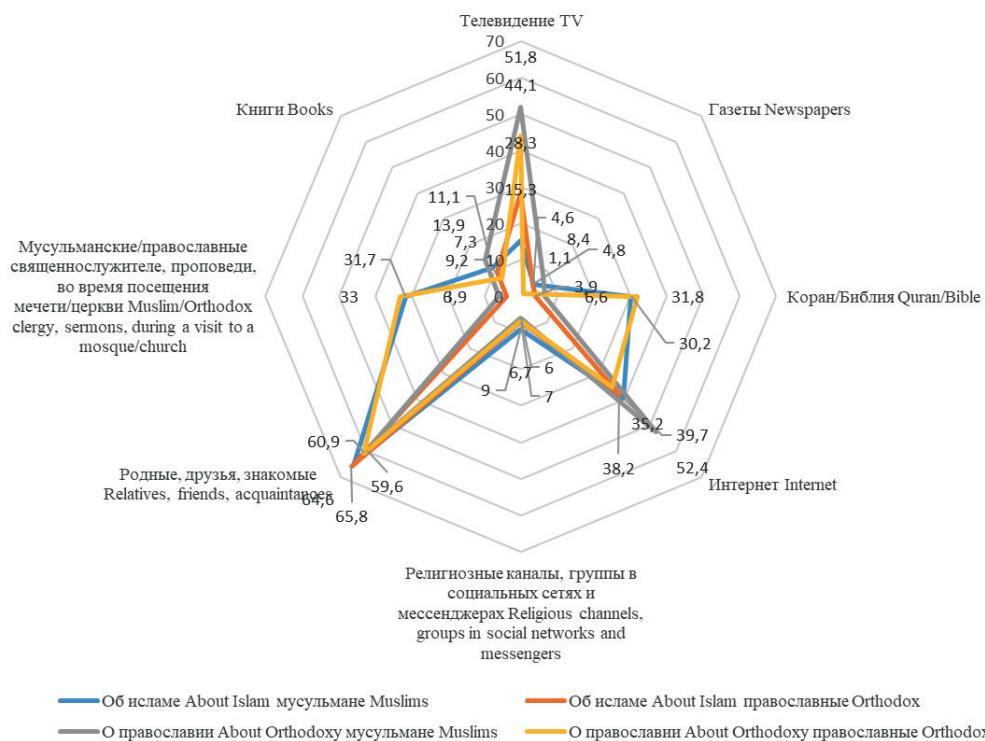

Рис. 3. Источники информации об исламе и православии у мусульман и православных, %
(Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 3. Sources of information about Islam and Orthodoxy among Muslims and Orthodox, %
(The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

Другой вопрос анкеты был направлен на выяснение того, с какими символами или людьми респонденты связывают ислам. Вопрос носил открытый характер, участники могли вписать свой ответ в свободной форме. Самыми частыми оказались упоминания Аллаха, Пророка Мухаммеда, Корана, мечети (в этом качестве прежде всего называлась наиболее узнаваемая, находящаяся в центре Казани — в Казанском Кремле, мечеть Кул Шариф), полумесяца, исламских священнослужителей (с помощью обобщенных понятий «имам», «мулла», «муфтий» и конкретных имен — Гайнутдинов, Самигуллин). Реже указывалось на проявления догматических предписаний ислама — на-маз, халяль, таких символов, как зеленый цвет, арабские буквы, одежда, хиджаб, четки. Упоминались исламские праздники — Ураза Байрам и Курбан Байрам. Большое место в символическом ряду заняли конкретные личности — известные зарубежные (Б. Асад, Т. Эрдоган) и российские (Р. Кадыров) политики и спортсмены (Х. Нурмагомедов, М. Тайсон). Но чаще назывались первые лица Республики Татарстан — М.Ш. Шаймиев и Р.Н. Минниханов, а также крупные богословы, общественные деятели из числа татар и представители татарской культуры (Ш. Марджани, Г. Курсави, К. Насыри, Г. Исхаки, Г. Тукай, С. Сайдашев, Т. Миннүллин и др.). Их упоминание, как и использование

участниками исследования таких словосочетаний, как «бабушка в платке», «татарский народ», «мои татарские друзья», показывают высокую связность ислама с национальным (с «татарством») и дружеским окружением в представлениях жителей Казани.

Значимость этничности для маркирования ислама в Татарстане на повседневном уровне подтвердились ответами на вопрос о групповой самоидентификации («мы-идентификации») участников исследования, фиксирующем их ощущение близости к тем или иным социальным группам (табл. 1). 68,8% мусульман подчеркнули важную для них идентификацию с этнической группой. Этот показатель выше, чем среди тех, кто называет себя православным. Выявленная сильная, одна из самых значимых среди других самоидентификаций участников исследования связь между признаками «религия-этничность» показывает важность этнических чувств для представителей двух доминирующих конфессий Татарстана (особенно ислама) в самопонимании себя и для когнитивных оснований восприятия этой религии.

Таблица 1

Выраженность связи с социальными группами у верующих, %*

Table 1

Expression of connection with social groups among believers, %**

Ощущаю близость	Мусульмане	Православные	Коэффициент сопряженности
С людьми моего возраста	60,4	48,9	0,157
представителями моей профессии, занятий	50,5	44,7	0,090
гражданами России	58,9	61,2	0,137
жителями Республики Татарстан	68,2	56,4	0,134
жителями Казани	65,1	61,7	0,089
людьми моей веры, того же вероисповедания, что и я	68,2	54,3	0,261
людьми той же национальности, что и я	68,8	52,7	0,174
всеми людьми планеты	26,6	18,1	0,048
людьми того же достатка, что и я	42,2	29,8	0,197
людьми, близкими мне по политическим взглядам	42,2	43,1	0,127
теми, кто не интересуется политикой	32,8	29,8	0,102
европейцами	16,1	11,7	0,165
представителями Востока, Азии	19,3	10,1	0,158

Примечание: *Представлены данные по респондентам, выбравшим ответ «чувствую близость в значительной степени».

**Data are presented for respondents who selected the answer “I feel close to a large extent.”

Анализ результатов упомянутого выше опроса Р.Н. Мусиной показывает, что происходившее в 1990-е — первом десятилетии 2000-х гг. усиление значимости религии в идентификационной матрице жителей Татарстана (так, в 1994 г. религию в качестве компонента этнической идентичности назвали 33% респондентов из числа татар, в 2011–2012 гг. — 49,4% [Мусина, 2014: 62]) на нынешнем этапе не демонстрирует положительную динамику (рис. 4). 42,2% участников нашего исследования из числа му-

сульман чувствуют свою этническую идентичность через религию. Этот показатель выше, чем среди православных. Выявленная в мусульманском сообществе Татарстана тенденция исчерпания потенциала этнического компонента для смысловой рамки ислама требует отдельного изучения.

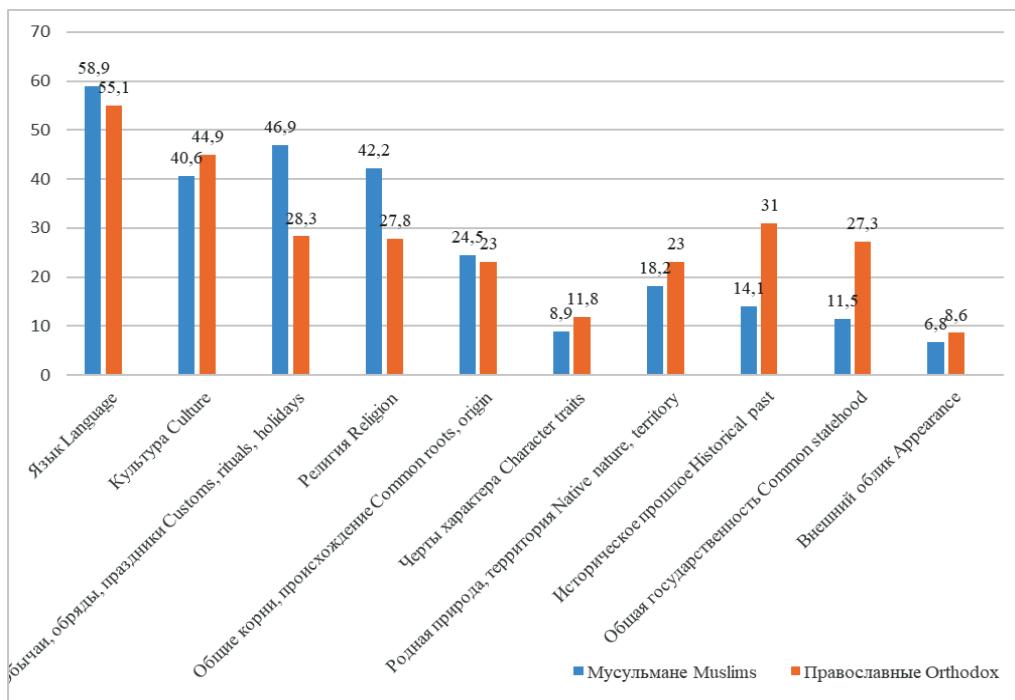

Рис. 4. Компоненты этнической идентичности верующих, %. (Сумма не равна 100%, так как респондент мог выбрать до трех вариантов ответа)

Fig. 4. Components of ethnic identity of believers, %. (The sum does not equal 100%, the respondent could choose up to three answer options)

Социальные функции религии, или О возможностях позитивного брейдирования российского ислама

Глобальная турбулентность до неузнаваемости изменила социальную действительность и социальные законы упорядочивания социальных отношений. У. Бек, еще в 1990-х гг. размышляя о причинах крушения мирового порядка, обозначил три возможные реакции на этот процесс — отрицание, апатию, трансформацию. Последнее теоретик свел к вопросу о том, что каким образом осознание множественности зависящих от человека сценариев будущего и их рискованных последствий повлияет на восприятие человека, трансформирует его, а также на условия жизни и институты общества. По мнению У. Бека, предчувствие разрушений и бедствий принуждает к действию, мобилизует людей поверх границ — национальных, религиозных, этнических [Бек, 2012: 39–40]. Так производятся новые рефлексивные способности, минимизирующие риски в условиях хаоса, дезориентированности и дезинтеграции. Рефлексив-

ность вынуждает искать духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, определения своей роли в политических отношениях и связях с окружающей социальной средой. Одним из индикаторов этого процесса становится социальная ответственность, выступающая способом упорядочивания социальных отношений в хаотичном мире, установления социальной справедливости и фактором устойчивого развития общества в условиях кризисности и нестабильности [Бронизино, Осипова, 2014: 81–82, 85].

Социальная ответственность религий заложена в первоисточниках религиозных вероучений. Религиозные институты реализуют совокупность мероприятий, направленных на достижение социально значимых целей [Балабейкина, Янковская, 2021: 133]. Их социальная ответственность имеет специфику, обусловленную догматическими принципами и мировоззренческими установками членов этих организаций, особенностями законодательно установленных для них правовых отношений [Мевлютов, Гамзатов, 2023]. Нас интересует гражданский аспект социальной ответственности верующих, то, как они реально участвуют в решении социально значимых вопросов современного российского общества.

Около половины верующих помогает малоимущим, жертвует деньги на общественные проекты, участвует в благоустройстве своего подъезда, дома, улицы (табл. 2). Исследование не выявило статистически значимых различий между мусульманами и православными по практикам объединения для решения социальных проблем, членству в общественных организациях, обустройстве родной территории. Сильная связь выявлена по таким показателям, как благотворительность, волонтерство, помочь инвалидам и воспитанникам детских домов. Она показывает более высокий уровень социальной ответственности мусульман по сравнению с православными по отдельным практикам социального служения.

Таблица 2
Проявления социального активизма верующих, %
Table 2
Manifestations of social activism of believers, %

Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев...?	Мусульмане	Православные	Коэффициент сопряженности
отдавать безвозмездно продукты, вещи малоимущим	66,7	54,8	0,122
оказывать помощь инвалидам, воспитанникам детских домов	43,8	25	0,194
участвовать в благоустройстве своего подъезда, дома, улицы	61,5	53,7	0,085
жертвовать деньги на общественно полезные/благотворительные цели	69,3	50,5	0,199
объединяться с другими людьми для решения общих проблем	69,8	63,3	0,077
обращаться с запросом, заявлением, жалобой в государственные органы	37,5	40,4	0,038
принимать участие в собрании какого-либо общества/ассоциации/клуба	30,2	25	0,085
работать волонтером, добровольцем	25	16	0,111

В то же время исследование показало, что мусульмане и православные одинаково чувствуют ответственность за то, что происходит в родном городе (71,4 и 66,5% соответственно) и стране (64,6 и 63,9%) (табл. 3). Это важная основа консолидационных процессов в поликонфессиональном, полиэтническом российском обществе. Более представительный слой с самым высоким уровнем социальной ответственности среди мусульман позволяет расширить смысловую рамку ислама в России как деятельной, интегрированной религии, нацеленной на решение значимых социальных проблем на общегосударственном и локальном уровнях. Эти на первый взгляд привычные фреймы ислама и привычные для него социальные практики получают новый смысл в условиях современной социальной дезинтеграции, способны повлиять на имидж этой религии и помочь мусульманам в обретении жизненных ориентиров в нестабильном мире.

Таблица 3
Уровень социальной ответственности верующих, %

Table 3

Level of social responsibility of believers, %

Чувствуют ответственность за то, что происходит в...	Мусульмане		Православные		Коэффициент сопряженности
	в полной мере	в значительной мере	в полной мере	в значительной мере	
родном городе	27,1	44,3	16,5	50	0,222
стране	26,6	38	17,6	46,3	0,227
мире	16,7	31,3	6,9	25	0,201

Выводы

Сравнительный анализ представлений властной элиты в лице руководителя Татарстана и населения республики об исламе выявил общее и особенное. Однаково значимой ассоциацией с этой религией является сфера межконфессиональных отношений: она и религиозно Другой упоминается в речах Р.Н. Минниханова и кристаллизуется в виде фрейма в сознании населения. Совпадающим представлением является восприятие ислама через этничность. Это показывает важность этнических чувств для когнитивных оснований образа ислама среди его приверженцев в России. Расхождения между властным и массовым слоем обнаружены по теме «исламская экономика и взаимодействие со странами исламского мира». Она весьма значима для Р.Н. Минниханова, но не занимает высокие позиции в рейтинге ассоциаций об исламе в представлениях общества.

На массовом уровне весьма распространенным маркером ислама как социокультурного явления является общественное служение его последователей. Его активно использует руководитель республики в публичных выступлениях. Идея об исламе как социально ответственной религии может стать основанием для продвижения в России согласованной стратегии позитивного брандинга этой религии.

Исследование раскрыло возможности использования полипарадигмального подхода к изучению образа религии как самостоятельного объекта изучения. Имидж религии может рассматриваться в контексте дизайна разнообразных политик, потока ме-

диаинформации, социокультурной, религиозной идентичностей, религиозных практик, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулагатов З. М. Приоритеты нравственных ориентиров дагестанского мусульмана (по результатам социологического опроса) // Исламоведение. 2009. № 1. С. 123–137.

Алиева А. Б. Образ православия в сознании современных россиян в связи с задачами христианской миссии в современной России // Свет Христов просвещает всех : альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М. : СФИ, 2012. Вып. 6. С. 142–155.

Баев П. А. Церковь и служитель культа в медийном дискурсе отечественного социума // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 118–127.

Балабейкина О., Янковская А. Социальная ответственность религиозных организаций (На примере государственной христианской Церкви Англии) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 65 (3). С. 130–138.

Батыгин Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 5–24.

Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 35–52.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

Бобровников В. Парадоксы изучения современного ислама в России // Государство. Религия. Церковь. 2018. № 1 (36). С. 310–322. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-310-322>

Бронизино Л. Ю., Осипова Е. Д. Социальная ответственность: трансформация исследовательских подходов в контексте «общества риска» // Вестник Московского ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 76–87.

Булгару Д. И., Рагозина С. А. Одна религия — множество мнений: международная конференция «Образ ислама в России» // Государственное управление. Электронный вестник. 2017 г. Вып. 60. С. 333–344.

Бустанов А., Дородных Д. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133>.

Вяткина Т. Ю. Репрезентации христианства в новостных программах светских телеканалов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. М. : РОС, 2012. С. 4691.

Вяткина Т. Ю. Репрезентация христианства в конфессиональных СМИ (на примере телеканала «Союз») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13 (304). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. С. 11–13.

Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 170–201. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-170-201>.

Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 7–40.

Гузельбаева Г. Я., Мчедлова М. М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247–268. <https://orcid.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

Журавский А. В. Очерки христиано-мусульманских отношений: Хрестоматия для теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 192 с.

Зимова Н. С., Фомин Е. В. Медийный образ Русской православной церкви и вызов пандемии // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 81–91. <https://orcid.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-81-91>.

Коваленко В.Д. Образ современного православного фундаментализма в социальных медиа // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 2. С. 63–79. <https://orcid.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>

Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31–39.

Красильникова М. Н. Теория фреймов как метод современного религиоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 70–82. <https://orcid.org/10.28995/2658-4158-2021-4-70-82>.

Макарова Г.И. Брендинг территории и культуры: актуальные подходы в зарубежной науке // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12, № 2. С. 102–114.

Малахов С., Летняков Д. Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 248–270. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>

Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 222 с.

Марданова Д. З. Хасан-Гата Габаши против миссионера Евфимия Малова: пример мусульманско-христианской полемики конца XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 343–372. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-343-372>.

Маркова Н. М., Шавалиева М. Р. «Образ» ислама в работах российских авторов рубежа XIX–XX веков // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. А. Н. Толстого. 2019. № 3 (31). С. 117–125. <https://orcid.org/10.22405/2304-4772-2019-1-3-117-125>.

Мевлютов А. Ш., Гамзатов А. А. Проблема социальной ответственности в исламе // Minbar. Islamic Studies. 2023. № 16 (1). С 117–125. <https://orcid.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>.

Морозов Е. М. Образ священника в средствах массовой информации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 184–193.

Мусина Р. Н. Религиозное возрождение у татар Татарстана: идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 43–83.

Мухетдинов Д. В. От издателя // Ислам в Москве: энциклопедический словарь. Н. Новгород : Медина, 2008. 320 с.

Мчедлов М., Гаврилов Ю., Кофанова Е., Шевченко А. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 56–69.

Мчедлова М. М. Место религии и религиозных организаций в жизни российского общества // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. М., 2018. С. 217–238.

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный сайт Президента Республики Татарстан. URL: <http://president.tatar.ru/index.htm/news/227875.htm> (дата обращения: 21.06.2024).

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Официальный Татарстан. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/345897.htm> (дата обращения: 21.06.2024);

Официальные Послания Президента Татарстана Государственному Совету Республики Татарстан за 2013–2019 годы // Постоянное представительство Республики Татарстан в Свердловской области. URL: <https://tatur.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta-gosudarstvennomu-sovetu.htm> (дата обращения: 21.06.2024).

Патеев Р. Ф. Исламский активизм и социокультурные трансформации в татарском сообществе // Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: коллективная монография. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. С. 13–71.

Патеев Р. Ф. Религиозный активизм в мусульманских сообществах: переосмысление в постсекулярную эпоху // Религиоведение. 2020. № 3. С. 78–87. <https://orcid.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>.

Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 272–299. <https://orcid.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299>.

Романова А. В. Формирование образа православия на российском телевидении // Медиатолерантность — 2020: материалы II Региональной (Поволжской) научно-практической конференции. Казань, 2020. С. 292–298.

Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М. : НОРМА, 2000. 488 с.

Таршис Е. Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 71–92.

Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное вырождение и этничность. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артифакт, 2014. 348 с.

Тупаева А. С. Образ благотворительности в информационном пространстве российских средств массовой коммуникации : автореф. дис. .... канд. соц. наук. Майкоп, 2013. 27 с.

Филатов С., Лункин Р. Образы Православия и Протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство. URL: <https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/12/statya-filatov-lungin.pdf> (дата обращения: 03.04.2024)

Хъярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 41–75. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.

Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 200 с.

REFERENCES

Abdulagatov Z. M. Prioritetnye nравствennyykh orientirov dagestanskogo musul'manina (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Priorities of moral guidelines of the Dagestan Muslim (according to the results of a sociological survey)]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2009, no. 1, pp. 123–137 (in Russian).

Alieva A. B. Obraz pravoslaviya v soznanii sovremennoykh rossyan v svyazi s zadachami khristianskoi missii v sovremennoi Rossii [The image of Orthodoxy in the minds of modern Russians in connection with the tasks of the Christian mission in modern Russia]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [The Light of Christ enlightens everyone: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute]. Moscow: SFI, 2012, vol. 6., pp. 142–155 (in Russian).

Balabeykina O., Yankovskaya A. Sotsial'naya otvetstvennost' religioznykh organizatsii (Na primere gosudarstvennoi khristianskoi Tserkvi Anglii) [Social responsibility of religious organizations (On the example of the state Christian Church of England)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2021, vol. 65, no. 3, pp. 130–138 (in Russian).

Batygin G. S. Kontinuum freimov: dramaturgicheskii realizm Irvinga Gofmana [Continuum of frames: dramatic realism of Erving Goffman]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN University. Series Sociology]. 2011, no. 2, pp. 5–24 (in Russian).

Bayev P. A. Tserkov' i sluzhitel' kul'ta v mediinom diskurse otechestvennogo sotsiuma [Church and clergyman in the media discourse of domestic society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no. 2, pp. 118–127 (in Russian).

Beck U. Zhizn' v mirovom obshchestve riska: kosmopoliticheskii poverot [Life in a global risk society: a cosmopolitan turn]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences]. 2012, no. 5, pp. 35–52 (in Russian).

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znanija* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: "Medium", 1995, 323 p. (in Russian).

Bobrovnikov V. Paradoksy izucheniya sovremennoy islam v Rossii [Paradoxes in the Study of Contemporary Islam in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 1, pp. 310–322 (in Russian).

Bronizino L. Yu., Osipova E. D. Sotsial'naya otvetstvennost': transformatsiya issledovatel'skih podkhodov v kontekste "obshchestva riska" [Social responsibility: transformation of research approaches in the context of the "risk society"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2014, no. 4, pp. 76–87 (in Russian).

Bulgaru D. I., Ragozina S. A. Odna religiya — mnozhestvo mnenii: mezhdunarodnaya konferenciya "Obraz islamu v Rossii" [One religion — many opinions: international conference "The Image of Islam in Russia"]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. Electronic newsletter]. 2017, no. 60, pp. 333–344 (in Russian).

Bustanov A., Dorodnykh D. Dzhadidizm kak paradigma v izuchenii islamu v Rossiiskoi imperii [Jihadism as a Paradigm for Studying Islam in the Russian Empire]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, vol. 35, no. 3, pp. 112–133 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-112-133>.

Filatov S., Lunkin R. *Obrazy Pravoslaviya i Protestantizma v svetskikh SMI: blagolepie i urodstvo* [Images of Orthodoxy and Protestantism in secular media: beauty and ugliness]. URL: <https://cerkovmedia.ru/wp-content/uploads/2021/12/statya-filatov-lungin.pdf> (accessed March 4, 2024) (in Russian).

Garaev D. Ideologiya russkoyazychnogo dzkhihadizma do IGIL: retsepsiya sovetskogo kak rozhdenie postsovetskogo radikalizma [The Ideology of Russian-Language Jihadism before ISIS: Reception of the Soviet as the Origin of Post-Soviet Radicalism]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, vol. 35, no. 3, pp. 170–201 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-170-201>

Grishaeva E., Shumkova V. Teorii srednego urovnya v issledovanii religii i media: mediatizatsiya, mediatsiya i RSST [Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no. 2, pp. 7–40 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>.

Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. Musul'manskie soobshchestva v Kazani nachala XXI veka: prichiny pod'ema i spada islamskogo molodezhnogo aktivizma [Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020, no. 3, pp. 247–268 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

Hjarvard S. Tri formy mediatizirovannoi religii: izmenenie oblika religii v publichnym prostranstve [Three Forms of Mediatized Religion: Changing the Public Face of Religion]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no. 2, pp. 41–75 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.

Kovalenko V. D. Obraz sovremennoego pravoslavnogo fundamentalizma v sotsial'nykh media [The Image of Modern Orthodox Fundamentalism in Social Media]. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture]. 2021, vol. 5, no. 2, pp. 63–79 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-63-79>.

Kozyrev G. I. “Vrag” i “obraz vraga” v obshchestvennykh i politicheskikh otnosheniakh [Enemy' and “image of the enemy” in social and political relations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2008, no. 1, pp. 31–39 (in Russian).

Krasilnikova M. N. Teoriya freimov kak metod sovremennoj religiovedeniya: mezhreligioznyi freim i problema sotsial'nogo priznaniya musul'man v nemusul'manskikh obshchestvakh [Frame theory as a method of modern religious studies: interreligious frame and the problem of social recognition of Muslims in non-Muslim societies]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii* [Studia Religiosa Rossica: scientific journal about religion]. 2021, no. 4, pp. 70–82 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2021-4-70-82>.

Makarova G. I. Brending territorii i kul'tura: aktual'nye podkhody v zarubezhnoi naуke [Territory Branding and Culture: Current Approaches in Foreign Science]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]. 2019, vol. 12, no. 2, pp. 102–114 (in Russian).

Malakhov, V., Letnyakov, D. Islam v vospriyatiu rossiiskogo obshchestva: sravnitel'no-politicheskii aspekt [Islam in the perception of Russian society: comparative political aspect]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 2, pp. 248–271 (in Russian). <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271>.

Malashenko A. V. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii* [Islamic revival in modern Russia]. Moscow, 1998, 222 p. (in Russian).

Mardanova D. Khasan-Gata Gabashi protiv missionera Evfimiya Malova: primer musul'mansko-khristianskoi polemiki kontsa XIX v. [Hasan “Ata Gabashi versus the Missionary Evfimiy Malov: An Example of Muslim-Christian Polemics of the Late 19th Century]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov'* v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020, vol. 38, no 4, pp. 343–372 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-343-372>

Markova N. M., Shavalieva M. R. “Obraz” islamu v rabotakh rossiiskikh avtorov rubezha XIX–XX vekov [The “image” of islam in the works of orthodox authors of the turn of the 19th-20th centuries]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanitarian bulletins of the TSPU named after. L. N. Tolstoy]. 2019, vol. 3, no. 31, pp. 117–125 (in Russian). <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-3-117-125>

Mchedlov M., Gavrilov Yu., Kofanova E., Shevchenko A. Konfessional'nye osobennosti religioznoi very i predstavlenii o ee sotsial'nykh funktsiyakh [Confessional features of religious faith and ideas about its social functions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2005, no. 6, pp. 56–69 (in Russian).

Mchedlova M. M. Mesto religii i religioznykh organizatsii v zhizni rossiiskogo obshchestva [The place of religion and religious organizations in the life of Russian society]. *Dvadtsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkah i suzhdennyakh rossiyan* [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians]. Moscow, 2018, pp. 217–238 (in Russian).

Mevliutov A. Sh., Gamzatov A. A. Problema sotsial'noi otvetstvennosti v islame [The problem of social responsibility in Islam]. *Minbar. Islamic Studies* [Minbar. Islamic Studies]. 2023, vol. 16, no. 1, pp. 117–125 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-1-117-125>.

Morozov E. M. Obraz svyashchennika v sredstvakh massovoi informatsii [Clergy public image in Mass Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2016, no. 6, pp. 184–193 (in Russian).

Muhedinov D. V. Ot izdatelya [From the publisher]. *Islam v Moskve: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in Moscow: encyclopedic dictionary]. Nizhny Novgorod: Medina Publishing House, 2008, 320 p. (in Russian).

Musina R. N. Religioznoe vozrozhdenie u tatar Tatarstana: identichnost', religioznye praktiki, etnokonfessional'nye tsennosti i ustavok [Religious revival among the Tatars of Tatarstan: identity, religious practices, ethno-confessional values and attitudes]. *Tatary i islam v regionah rossijskoj Federacii: religioznoe vozrozhdenie i etnichnost'* [Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious revival and ethnicity]. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014, pp. 43–83 (in Russian).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Tatarstana* [The official website of the President of the Republic of Tatarstan]. URL: <http://president.tatar.ru/index.htm/news/227875.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Ofitsial'nyi Tatarstan* [The official Tatarstan]. URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/345897.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Ofitsial'nye Poslaniya Prezidenta Tatarstana Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan za 2013–2019 gody [Official Messages of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013–2019]. *Postoyannoe predstavitel'stvo Respubliki Tatarstan v Sverdlovskoi oblasti* [Permanent Representation of the Republic of Tatarstan in the Sverdlovsk region]. URL: <https://tatur.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta-gosudarstvennomu-sovetu.htm> (accessed: 21 June, 2024).

Pateev R. F. Islamskii aktivizm i sotsiokul'turnye transformatsii v tatarskom soobshchestve [Islamic activism and sociocultural transformations in the Tatar community]. *Islam i religioznyj aktivizm v Respublike Tatarstan: Kollektivnaya monografiya* [Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan: Collective monograph]. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021, pp. 13–71 (in Russian).

Pateev R. F. Religioznyi aktivizm v musul'manskikh soobshchestvakh: pereosmyslenie v postsekulyarnyyu epokhu [Religious Activism in Muslim Communities: Rethinking in the Post-Secular Era]. *Religiovedenie* [Religion Studies], 2020, no. 3, pp. 78–87 (in Russian). <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>.

Ragozina S. Zashchishchaya "traditsionnyi" islam ot "radikal'nogo": diskurs islamofobii v rossiiskikh SMI [Protecting "Traditional Islam" from "Radical Islam": Discourse of Islamophobia in the Russian Media]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018, vol. 36, no. 2, pp. 272–299 (in Russian).

Romanova A. V. Formirovanie obraza pravoslaviya na rossiiskom televidении [Formation of the image of Orthodoxy on Russian television]. *Mediatolerantnost' — 2020. Materialy*

II Regional'noi (Povolzhskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii [Mediatolerance — 2020. Materials of the II Regional (Volga Region) scientific and practical conference]. Kazan, 2020, pp. 292–298 (in Russian).

Semenova A. V., Korsunskaia M. V. *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [Media content analysis: problems and experience of application]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2010, 324 p. (in Russian).

Sotsiologicheskij enciklopedicheskii slovar' [Sociological encyclopedic dictionary]. Moscow: Publishing house NORM, 2000, 488 p. (in Russian).

Tarshis E. Ya. *Perspektivy razvitiya metoda content — analiza* [Prospects for the Development of the Content Analysis Method]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M]. 2002, no. 15, pp. 71–92 (in Russian).

Tatars i islam v regionakh Rossiiskoi Federatsii: religioznoe vyrozhdenie i etnichnost' [Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious degeneration and ethnicity]. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Publishing house “Artifact”, 2014, 348 p. (in Russian).

Tupaeva A. S. *Obraz blagotvoritel'nosti v informacionnom prostranstve rossiiskikh sredstv massovoi kommunikatsii. Avtoreferat diss. kand. sots. nauk* [The image of charity in the information space of Russian mass media. Ph. D. Thesis in Sociological Sciences]. Maykop, 2013, 29 p. (in Russian).

Vyatkina T. Yu. *Reprezentatsii khristianstva v novostnykh programmakh svetskikh telekanalov* [Representations of Christianity in news programs of secular TV channels]. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye: Materialy IV Ocherednogo Vseros. sotsiol. kongressa* [Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Ordinary All-Russian. sociol. Congress]. Moscow: ROS, 2012, p. 4691 (in Russian).

Vyatkina T. Yu. *Reprezentatsiya khristianstva v konfessional'nykh SMI* (na primere telekanala “Soyuz”) [Representation of Christianity in confessional media (using the example of the Soyuz TV channel)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2013, vol. 29, no 13 (304), pp. 11–13 (in Russian).

Yasaveev I. G. *Konstruirovaniye sotsial'nykh problem sredstvami massovoi kommunikatsii* [Construction of social problems by means of mass communication]. Kazan: Publishing house Kazansk. University, 2004, 200 p. (in Russian).

Zhuravskii A. V. *Ocherki khristiano-musul'manskikh otnoshenii: Khrestomatiya dlya teologicheskogo, religiovedcheskogo i drugikh gumanitarnykh napravlenii i spetsial'nostei vysshikh uchebnykh zavedenii* [Essays on Christian-Muslim relations: A reader for theological, religious studies and other humanitarian areas and specialties of higher educational institutions]. Moscow: St. Philaret Orthodox Christian Institute, 2014, 192 p. (in Russian).

Zimova N. S., Fomin E. V. *Mediiniyi obraz Russkoi pravoslavnoi tcerkvi i vyzov pandemii* [Media image of the Russian Orthodox Church and the challenge of the pandemic]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology]. 2021, vol. 4, no. 4, pp. 81–91 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-81-91>

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 02.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025